

АЛЬБИНА НУРИ

МЕРТВАЯ ВОДА

Альбина Нури

Мертвая вода

Серия «За пределом реальности»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39443374

Эксмо;

ISBN 978-5-04-097303-3

Аннотация

У Полины была тихая счастливая жизнь: любимые муж и дочка, финансовое благополучие и спокойствие. Едва не сбив на дороге мальчика-сироту, они с Женей решают усыновить ребенка, тем более что Полина больше не может иметь детей.

Алик казался просто идеальным: послушным, красивым, милым, одаренным. Однако с его появлением мирной жизни семьи пришел конец, а уютный дом превратился в лабиринт ужаса. Полина сходила с ума и никак не могла поверить: неужели ее приемный сын на самом деле чудовище, которое хочет уничтожить всех, кто ей дорог?

Книга также издавалась под названием «Глоток мертвой воды».

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	29
Глава четвертая	45
Глава пятая	58
Глава шестая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Альбина Нури

Мертвая вода

Роман

Не следует думать, что человек является древнейшим

*или последним властителем Земли,
или что известная нам форма жизни
существует в одиночку.*

*Старейшины были, Старейшины есть и
Старейшины будут.*

*Они ходят среди нас <...> Они расхаживают,
оставаясь незамеченными, в пустынных
местностях,*

*где произносятся Слова и исполняются Обряды
во время их Сезонов.*

Говард Филлипс Лавкрафт. Ужас Данвича

Часть первая

Большее всего человека пугает неизвестность.<...>

Незнание включает воображение.

Бернар Вербер. Мы, боги

Глава первая

– Стой! Тормози! – закричала Полина и прижала кулаки ко рту, как будто хотела затолкать свой вопль обратно.

Женя тоже хрипло выкрикнул что-то бессвязное и резко затормозил, одновременно вывернув руль влево. Полину бросило вперед с такой силой, что ремень безопасности врезался в грудь. Стало больно дышать, но она едва заметила это.

Краем сознания, почти не понимая того, что видит, Полина осознала, что «Тойоту» повело в сторону, протащило еще пару метров до полной остановки. После она с ужасом думала: если бы по встречной полосе ехали машины, случилось бы самое страшное. Но дорога в обе стороны была пуста.

Машина остановилась, и все разом смолкло – визг шин, их с мужем испуганные крики, рев двигателя. Как будто дирижер взмахнул палочкой, и оркестр послушно опустил инструменты. В наступившем безмолвии было что-то жуткое, тишина была неестественной, потому что она могла означать только одно: они не успели, и мальчик...

– Мальчик! – выдохнула Полина. – Женя, он... Мы его...

Не успела она договорить, как они оба начали выбираться из машины. Ладони у Полины взмокли, она чувствовала, что ее трясет от страха. В висках стучало, голова немного кружилась.

Нет, нет, это невозможно! Ладно, если бы за рулем оказалась она сама, новичок, но Женя – водитель опытный и крайне аккуратный. Он никогда никого не подрезал, не гонял на предельной скорости, пропускал пешеходов. Женя не мог сбить человека! Только не он!

«Не просто человека – ребенка... Мы сбили ребенка! Женя ведь врач, как он переживет, если... Нет, пожалуйста, нет... Пусть мальчик будет жив! – Мысли кружили и кружили в голове, наталкиваясь друг на друга, пока она вылезала из машины и подбегала к лежащему на асфальте... *телу?* *Телу?!* – Ох, господи, пусть только мальчик будет...»

– Он жив, – выдохнул Женя, и Полина осела прямо на асфальт, прислонившись к боку автомобиля, обхватив себя руками. Облегчение было таким сильным, что слезы потекли из глаз.

Женя склонился над ребенком, осматривая его, но, увидев, что творится с женой, поднял голову и коснулся ее лица:

– Полечка, с тобой все нормально? Сильно ударилась? Прости, я должен был сразу...

– Нет-нет! – она замахала руками, сняла очки и вытерла слезы. – Все хорошо, Жень, я просто испугалась. Ничего не болит. – Она переменяла позу, неловко поднявшись на четвереньки, и приблизилась к мальчику. – Что с ним? Он без сознания? Мы все-таки задели его?

Полина однажды прочла, что аварии, как ни странно, чаще происходят в погожие дни, в светлое время суток на хо-

рошей дороге. Потому что когда дождливо или дорога разбитая, водитель поневоле сосредотачивается, вглядывается в каждую кочку, а если все спокойно, то он расслабляется, теряет бдительность и может даже заснуть за рулем.

Вот как сейчас. И дорога пустая, и видимость отличная, и местность знакомая. Но ведь Женя ни в чем не виноват! Мальчик появился так неожиданно...

Сейчас ребенок лежал на боку, подогнув под себя одну ногу и вытянув вторую. Спутанные темные волосы были слишком длинными и закрывали его лицо. Мальчик был одет в старенькие вытертые джинсы и зеленую футболку. На ногах – стоптанные кроссовки, надетые на босые ступни.

Полина осторожно убрала волосы с лица мальчика и воскликнула:

– Я его знаю!

Женя, который продолжал осторожно осматривать пострадавшего, поднял голову:

– Что? Откуда?

– Он в деревне живет. Я его возле магазина встречала. Мы даже поговорили пару раз. Его Аликком зовут. Я еще, помню, спросила, Алик – это Альберт? А оказалось – Александр.

Полина сразу обратила внимание на этого мальчика. «Удивительно красивый ребенок! – подумала она, впервые увидев его. – Какой-то сказочный принц». Бледная до прозрачности кожа, густые темно-каштановые волосы, тонкие, выразительные черты лица и огромные, невероятно яркого

синего цвета глаза.

Мальчик сказал, ему одиннадцать лет, но на вид она не дала бы больше девяти: слишком уж он был маленького росточка, худенький и щуплый для своего возраста.

Алик отличался от деревенских мальчишек, да и вообще от других детей. У Полины был некоторый опыт общения с ребяташками этого возраста. Во-первых, дочке Соне почти столько, она чуть старше, а во-вторых, прежде Полина работала школьной учительницей, преподавала математику в так называемом среднем звене: пятых – восьмых классах. Алик был не похож на остальных: рассудительный и тихий, он говорил чересчур правильно и как-то по-взрослому. Такой же недетской была и грусть, застывшая в его взгляде.

Женя выпрямился и задумчиво сказал, глядя на жену:

– Мы могли задеть его легонько, по касательной. Но вообще-то я уверен, что успел свернуть, да и скорость была низкая.

– Тогда что с ним такое? Почему он без сознания? Он в шоке?

– Мальчик избит. Посмотри.

Муж приподнял футболку.

Полина ахнула: все тело ребенка было в кровоподтеках. Вдобавок на шее виднелись следы синяков. Она не заметила их сразу, но теперь ясно видела. Некоторые синяки уже пожелтели, и точно такие же заживающие гематомы были на руках.

– Не могу сказать точно, внешних признаков – ран, ушибов нет, но, возможно, у него травма головы. Может, и внутренние кровотечения есть. Я ведь не специалист.

Женя был медиком, но специализация, в самом деле, другая.

– Мы не можем сами отвезти его в больницу?

– Я боюсь его трогать.

– Скорую вызывать? Полицию? – с трудом выговорила Полина, думая о другом. В голове не укладывалось: кто мог сотворить такое с бедным ребенком?

– Надо, конечно. Только когда еще они приедут, – озабоченно говорил Женя, одновременно выискивая в записной книжке сотового нужный номер.

Разумеется, он прав. Вечер субботы, уже почти девять. От Казани – тридцать километров. Впрочем, дорожная полиция, наверное, приедет из ближайшего райцентра. Скорая тоже может отвезти мальчика в местную больницу, но, насколько Полина знала мужа, он этого не допустит. Ребенка отвезут в Республиканскую детскую больницу – она как раз на въезде в город, у Жени там масса знакомых врачей.

Пока муж говорил с кем-то, Полина вспоминала, как все случилось.

Они возвращались из Новых Дубков в Казань. В прошлом году купили участок в этом коттеджном поселке и начали строиться. Сама Полина не видела большой необходимости в загородном доме. Она называла себя городской девчонкой,

очень любила их казанскую квартиру и не стремилась перебираться в сельскую местность.

Но Женя буквально бредил собственным домом и радостями жизни на лоне природы. Расписывал все в красках, пока Полина тоже не начала проникаться.

– На осень и зиму будем в Казань переезжать, а пока тепло – жить за городом! – убеждал муж.

Теперь сам дом уже построен, но дел все равно – непочатый край: еще нет ни крыши, ни окон, ни дверей, ни внутренней отделки, не говоря уже о приусадебных постройках.

Магазин, про который Полина говорила мужу, был в Старых Дубках – деревне близ поселка. Там, судя по всему, и жил Алик.

Весь день Полина с Женей провели на стройке, муж общался с рабочими, ей тоже нашлось чем заняться, а к вечеру засобирались обратно. Правда, поздновато, и Полина волновалась, как там Соня. Хотя дочке уже почти тринадцать, она не любила оставлять ее одну. В тот момент, когда все произошло, Полина как раз набирала номер телефона их городской квартиры, чтобы узнать, как дела у их девочки.

– Она сразу поймет, что ты ее караулишь, поэтому и звонишь домой, а не на трубку, – усмехнулся Женя. – Подумает, не доверяешь.

– Ну и пусть, – упрямо отозвалась Полина. – Доверяй, но проверяй. И потом, я не ей не доверяю, а этой Лиле. Свалилась тоже на нашу голову.

Полина повернулась к Жене и хотела сказать, что она думает про школьную подругу дочери, как этот мальчик выскочил (а если быть точной, вывалился, будто его силой толкнули в спину!) из придорожных кустов.

Федеральная трасса – примерно в семи километрах от этого места. Там каждый день, в любое время суток движение оживленное, а на проселочной дороге в субботу вечером почти никогда никого не бывает. Днем автомобили снуют туда-сюда: у всех стройка, не только у Суворовых. А в это время – тишина. Рабочим ездить незачем, а хозяева домов либо уже успевают уехать обратно в Казань, либо, если дом готов для заселения, вечеряют здесь, в Новых Дубках.

Полина все так же сидела на земле возле мальчика, продолжая машинально гладить его по спутанным волосам. Женья включил «аварийку», выставил знак – мало ли, не хватало еще, чтобы кто-то влетел в них. Начинало темнеть. Полина глянула на часы – почти девять.

– Ты Соне-то позвони, – сказал муж.

– Ох, точно, – спохватилась она, – совсем из головы вылетело.

Пока она говорила с дочерью, объясняя, почему они с папой задерживаются, уговаривая девочку лечь спать, не дожидаясь их (точно зная, что убеждать бесполезно), подъехала машина ГИБДД. Тут же вслед за ней – скорая: как и предполагала Полина, Женья вызвал платную, из Республиканской больницы.

Мальчика, который так и не приходил в сознание, положили на носилки. При этом с одной ноги свалилась кроссовка, и Полина подбежала, чтобы поднять ее, надеть. Разношенная, потерявшая первоначальный цвет и форму обувь была великовата мальчику, старенькие джинсы протерлись в нескольких местах. Глядя на Алика, который сейчас выглядел особенно хрупким и беззащитным, она почувствовала, что сердце ее сжалось. Как это обычно бывало в подобных ситуациях, Полина помимо воли представила на его месте собственную дочь, и на глаза снова навернулись слезы.

Женя подошел, обнял ее за плечи.

– С ним все будет хорошо? – сдавленным голосом спросила Полина.

– Надеюсь.

– Что гаишники говорят? Тебя не обвиняют?

– Не забивай голову, все нормально, – отмахнулся муж. – Думаю, мне тоже нужно поехать в больницу. Я, конечно, по телефону договорился обо всем, но мало ли, что может понадобиться.

– Я с тобой! – немедленно вызвалась Полина.

– Нет-нет, Соня там одна, поезжай домой. Я вернусь на такси.

Полина не стала спорить. Она слишком устала, да и понимала, что от ее присутствия в больнице не будет никакого толку.

Женя спросил, сможет ли она сесть за руль, и Полина за-

верила его, что прекрасно справится. На самом деле чувствовала она себя неважно, голова побаливала, во всем теле была какая-то напряженность, но беспокоить мужа не хотелось.

Пусть и говорил он с ней бодрым и уверенным тоном, пускай и ясно было, что его вины в случившемся нет, состояние мальчика вызвано не наездом, но Полина видела: Женя сильно переживает, беспокоится за ребенка. Если с ним случится что-то плохое (самое страшное нельзя произносить вслух, этому еще бабушка с детства научила!), мужа это надолго выбьет из колеи.

Ему было тридцать пять, как и ей, но и на четвертом десятке он не утратил способности переживать чужую боль, как свою собственную. Наверное, в этом был секрет его успешной медицинской карьеры.

Держась друг за другом, они выехали на трассу, и вскоре Полина потеряла скорую из виду: та ехала гораздо быстрее. Салон внедорожника, где еще недавно они были вдвоем с Женей, вдруг показался слишком большим, пустым и словно незнакомым.

Почему-то пришло на ум, что все безвозвратно изменилось, муж покинул ее навсегда, оставил одну, и больше они никогда не встретятся. Снова, уже в который раз за вечер, захотелось плакать. Да что это с ней, в самом деле?

«Хватит, нечего забивать голову всякой ерундой!»

Стремясь отринуть глупые, нелепые мысли, Полина сосредоточилась на дороге.

Глава вторая

Полина жарила оладьи им с Сонечкой на завтрак. Чтобы перевернуть их на другой бок, требовалась сноровка: оладьи скользили по сковородке с керамическим покрытием, уворачиваясь от лопатки, как живые.

Женю она уже проводила на работу: он уходил в восемь. Муж никогда не настаивал, чтобы Полина вставала вместе с ним и накрывала на стол, говорил, что в состоянии сам сварить себе кофе и сделать бутерброд.

Но она все равно поднималась по звонку его будильника, а иногда и раньше, даже если не нужно было провожать дочку в школу. Во-первых, ей нравилось проводить с Женей утро, ухаживать за ним, говорить о разных мелочах, поправлять галстук, целовать на прощание. А во-вторых, было как-то неловко валяться в кровати, ощущать себя бездельницей, которой никуда не нужно спешить, в то время как муж торопится по делам.

Золотистая горка оладушек уже красовалась на столе, а Сони все не было. «Каникулы каникулами, но вставать каждый день в одиннадцатом часу – это ни в какие ворота не лезет!» – недовольно думала Полина, доставая из холодильника сгущенку и варенье.

Ясное дело, до полуночи провалялась с планшетом, ролики смотрела, «зависала» в соцсетях.

«Все мы мухи, пойманные в эти паучьи сети, висим и не делаем попытки высвободиться», – думалось иногда Полине.

Свет в детской она гасила около одиннадцати (в учебные дни – ровно в десять, но по случаю каникул давалось послабление), компьютер и телевизор выключала, но это, разумеется, не мешало дочке потихоньку встать и взять планшет. Можно было бы застать Соню с поличным и устроить разнос, но скандалить не хотелось. Подростковый возраст давал о себе знать: девочка стала раздражительной и своенравной, пустячная ссора могла обернуться затяжным конфликтом.

– Я в десять часов вайфай отключаю. Каждые пять минут захожу проверять, чем она там занимается, пока не заснет! – говорила соседка Гульнара. – Их ведь один раз прокараулишь, потом всю жизнь плакать будешь. То группы самоубийц, то еще чего!

Полина вроде и понимала это, но давить на дочь не хотела. Да и была уверена (может, и напрасно), что хорошо знает свою дочь, что та ей доверяет и не станет делать глупостей.

– Соня-засоня! Вставай, завтрак на столе! – в третий уже раз позвала Полина, стараясь сохранить спокойствие духе. – Сейчас все оладьи съем, тебе не оставлю!

Когда дочка появилась в дверях – уже умытая, одетая в шорты и футболку, – Полина допивала первую чашку кофе. Будет и вторая. Можно было бы налить сразу в большую кружку, но тогда напиток успеет остыть, а остывший кофе Полина терпеть не могла.

– Доброе утро, мам, – Соня чмокнула мать в щеку и схватила оладью.

– Сядь и поешь нормально, – притворно нахмурилась Полина и привычным жестом поправила очки. Она вообще толком не умела сердиться на свою дочурку.

Наблюдая за тем, как Соня уписывает оладьи за обе щеки, обмакивая их в сгущенку, Полина с грустью думала, как быстро пролетело время. Заезженная, банальная фраза, но ведь и правда: только недавно пухлая Соня в облаке рыжих кудрей, сидела в коляске и тянула ручки ко всем пробегающим мимо котам и собакам, а теперь вот, пожалуйста, скоро взрослая девушка будет. Только и осталось от прежней малышки – любовь к животным да рыжие волосы.

Эта рыжина была предметом постоянных Сониных огорчений. Полина тоже была рыжеволосой, только оттенок ближе к каштановому, и волосы ее не вились. Дочка же взяла от отца волнистые волосы, а от матери – цвет, увеличила все это многократно, и в результате на голове у нее красовалась шапка густых, огненных кудрей. Да к тому же еще веснушки имелись – пусть и не очень яркие, заметные, но все же.

Полина пыталась убедить дочь, что это придет ей индивидуальности, что русых и темноволосых много, а она такая – одна, но все было напрасно. В этом возрасте детям не хочется выделяться из толпы сверстников, так что пределом дочкиных мечтаний было разрешение родителей на выпрямление и окраску волос.

Споры не прекращались, тема эта периодически всплывала в разговорах, и Полина, говоря по правде, отлично понимала Соню. Она вспоминала себя: ей, единственной во всем классе, приходилось с начальной школы носить очки, и она отнюдь не радовалась, что отличается этим от других девочек и мальчиков.

«Очкастой» или «четыреглазой» дразнить ее перестали довольно скоро, но все равно она жутко комплексовала из-за плохого зрения. Как только появилась возможность, стала носить контактные линзы, но три года назад обнаружилось проблемы в роговице, и от линз пришлось отказаться, вновь вернувшись к очкам.

– Мам, а где Хоббит? – озабоченно поинтересовалась дочь. – Он утром ко мне не пришел.

– Я его на балконе видела, – ответила Полина. – Но вообще-то он спал у тебя в ногах, когда я подходила тебя будить в первый раз.

– А он не свалится с балкона? – не в первый уже раз спросила Соня. Она беспокоилась за Хоббита и нуждалась в том, чтобы все постоянно подтверждали: ничего плохого с ним не случится.

Как будто понимая, что о нем говорят, в кухню вплыл роскошный пушистый кот. И откуда такая важность походки, величественная посадка головы и снисходительно-надменный взор у обычного беспородного найденыша, удивлялись Полина с Женей.

Неслышно ступая мягкими лапами, не глядя на хозяев, кот с достоинством прошествовал к миске в углу и принялся хрустеть кормом.

– Привет, Хоббит! – Соня моментально слетела со стула и бросилась к своему любимцу.

– Не трогай его, когда он ест! Еще укусит.

– Не укусит! Он у нас хороший, да, Хоббит? – приговаривала Соня, поглаживая кота. – Хоббит – хороший кот, послушный!

Дочка принесла его осенью, три года назад: нашла в подъезде. Тогда это был тощий, дрожащий заморыш, лопухий и тонконогий. Котенок жалобно мяукал, широко разевая крошечный розовый ротик, а глаза у него были круглые, умные, страдальческие и серьезные.

– Папуль, он так на Фродо Беггинса похож! – сказала Соня, уговаривая родителей оставить котенка. – Глаза прямо точь-в-точь!

Так он и стал Хоббитом, очень скоро превратившись в огромного, нахального и своевольного котяру. Вся семья его обожала, а он снисходительно принимал всеобщую любовь.

После завтрака Полина мыла посуду, а Соня сидела рядом, на кухонном диванчике, гладила Хоббита и болтала.

– Знаешь, мамуль, Лиля сказала, что хочет быть как ты.

Вот это новости! С чего бы?

– Почему? – спросила Полина, предчувствуя подвох. От Лили всего можно ждать.

– Ну, она говорит, ты хорошо устроилась. Не работаешь, сидишь дома. Нашла богатого мужа, и теперь всю жизнь можно отдыхать. И она так хочет.

Здрасьте, приехали.

– А ты что ей сказала?

Соня неопределенно пожала плечами. Хоббит высвободился из ее объятий и сиганул прочь из кухни.

– Сказала, что вы у меня оба классные.

Полина сочла, что должна объяснить кое-что. Она отложила полотенце, которым вытирала вымытую посуду, и присела рядом с дочерью:

– Вообще-то Лиля не совсем права. Когда я выходила замуж за папу, он учился на третьем курсе медицинского, а я – педагогического университета. Никаким богачом он не был. Потом папа учился в ординатуре, а я работала. Ты же знаешь, я только несколько лет...

– Да ладно тебе, мам. Ты что, расстроилась? Все я знаю! – Соня обняла мать за шею и вскочила. – Пойду, погуляю, ладно? С Лилей.

Вечно эта Лиля! Полина ощутила глухую, черную волну неприязни к однокласснице дочери, которая в последние годы получила статус лучшей подруги.

Это была черноволосая, востроносая, похожая на галчонка девочка с хитреньким маленьким личиком и щуплой фигуркой. Ее воспитывали мать, вечно занятая на работе, и бабушка, из которой Лиля вила веревки.

Неуправляемая, лишённая детской наивности, расчётливая и какая-то прожжённая (Полина не могла подобрать другого определения), она могла повлиять на Соню не лучшим образом, но дочка испытывала к подружке необъяснимо сильную привязанность.

Иногда Полина думала, что Лиля для Сони – кто-то вроде Хоббита: найдя её однажды, открыв для себя, дочь впустила девочку в свое сердце, прониклась к ней любовью, привязалась всей душой, и этого не изменить.

Соня уже умчалась, созвонившись с Лилей и пообещав вернуться к обеду, а Полина все сидела на диванчике. На душе скребли кошки.

Вот, значит, как она выглядит со стороны? Ленивая домохозяйка на шее богатого мужа. Бесплезное, изнеженное существо вроде болонки. Но ведь это не так!

Пока Женя не встал на ноги, она работала за двоих. Не только брала двойную нагрузку в школе, но еще и по ученикам бегала, подрабатывала репетиторством. Даже с Соней сидела меньше года, а потом вышла на работу, оставив свою крошку на попечение бабушки, мамы Жени. Хорошая была женщина, в позапрошлом году умерла, царствие ей небесное.

Только шесть лет назад, когда открытый Женей медицинский центр «Красота и здоровье» стал приносить хороший доход, она уволилась и осела дома. У мужа оказался не только врачебный талант, но и деловая хватка, так что дела шли

в гору. Поначалу центр специализировался только на стоматологии, но теперь сфера услуг расширилась: челюстно-лицевая хирургия, косметология, пластические операции – все это пользовалось огромным спросом.

Теперь у них с мужем было все – дорогие машины, отдых за границей, квартира, а вскоре появится загородный дом. Но знавали они и времена, когда приходилось еле-еле сводить концы с концами.

Поначалу Полина не хотела оставлять работу: можно было, к примеру, пойти к мужу в клинику бухгалтером. Она ведь математик, подучилась бы и смогла. Но у него уже работали отличные специалисты, а раздувать штат, чтобы пристроить жену – зачем? Занимать чье-то место, пользуясь привилегиями хозяйской жены, она не считала возможным. Честнее было посвятить свое время семье. Полина сняла с плеч Жени все бытовые заботы, занималась ремонтом и отделкой их новой квартиры, возила дочку на занятия хореографией и в художественную школу.

Она никогда не сидела сложа руки, не бегала днями напролет по салонам красоты – какое право имеет какая-то Лиля говорить такое, вешать ярлыки?!

Полина сама понимала, что не стоит обращать внимания на слова глупой завистливой девчонки, но ничего не могла с собой поделать. К тому же, говоря по правде, Лиля наступила на большую мозоль...

«Нет уж, дудки! Не стану я об этом вспоминать! Нечего

сидеть и жаловаться на жизнь – прекрасную, между прочим, жизнь, о которой большинство женщин могут только мечтать!»

Думать нужно о хорошем: о дочери и любящем муже, об отпуске у моря и новом доме...

Однако подумалось о другом.

Перед мысленным взором всплыло лицо мальчика, которого они чуть не сбили на той дороге. Алика. Вот уж кто точно имел все основания обижаться на судьбу, так это он.

Женя вернулся домой далеко за полночь. Мальчик находился в состоянии глубокого шока, к тому же у него диагностировали нарушение кровотока головного мозга.

В последующие дни муж постоянно справлялся о его здоровье, оплатил все необходимое, подключил лучших специалистов. Больше позаботиться о мальчике было некому:

– Представляешь, мать у него умерла в прошлом году, она сына одна растила. Ее брат Михаил взял мальчика к себе, – рассказывал Женя. – Как он его опекал, ты и сама видела – на ребенке живого места нет.

В тот день, когда они едва не переехали Алика, мужчина, как выяснилось, убил свою жену! Хотел и до племянника добраться, но тот увернулся, убежал со двора, бросился прочь и едва не угодил под колеса машины.

Теперь дяде Алика грозил срок, а мальчику после выздоровления предстояло отправиться в детский дом. Других родственников у него не нашлось.

Полина вспомнила обо всем этом и решила проведать Алика. Его уже перевели из реанимации в палату, так что посещения разрешены. Вот только навещать его, кроме представителей органов опеки и полицейских, некому.

«Давно надо было в больницу съездить», – со стыдом думала Полина, забираясь в машину. – «Он там почти неделю, а я так и не собралась». Женя делал все, что мог, его совесть чиста, а сама она отмахнулась от мальчика. Все время находились дела поважнее.

Конечно, они не обязаны заботиться о ребенке и никакой вины перед ним у них с Женей нет. Но бросать на произвол судьбы маленького человечка, которого судьба связала с ними таким причудливым образом, все равно казалось неправильным.

Полину пропустили в палату к Алику без проблем: она позвонила мужу, и он все устроил.

– Его, наверное, в начале следующей недели выпишут, – сказал Женя, и она подумала, что если бы так и не навестила мальчика, то потом ругала бы себя.

Республиканская больница была огромная, похожая на улей. Много этажей – много сот, в которых люди деловито копошились, подобно пчелам. Молоденькая медсестра со следами подростковых угрей на щеках проводила Полину в палату, где лежал Алик.

Кроме него, там были еще два пациента. Один мальчик лежал, закутавшись с головой в простыню, отвернувшись к

стене, а второй, увидев Полину, с любопытством оглядел ее и вышел в коридор.

В палате было душно. В тяжелом, спертom воздухе, словно липкая серая паутина, повис неистребимый, въевшийся в стены запах медикаментов, хлорки, аммиака, залежавшейся в тумбочках еды. И сквозь всё это пробивалась прогорклая, едкая и при этом чуть сладковатая вонь – запах болезни, страдания, страха, который сочился из пор десятков и даже сотен детей, дневавших и ночевавших в этой палате.

Полина поморщилась, быстро подошла к окну, взялась за ручку, потянула ее на себя. В палату светлой, радостной волной хлынуло лето. Ворвавшись, оно моментально воцарилось в палате, нарушив чинную застоявшуюся тишину. Занавеска затрепетала, как флаг, потом натянулась, словно парус. Вдалеке звенели чьи-то голоса, слышался шум проезжающих автомобилей.

Кровать Алика, аккуратно застеленная клетчатым одеялом, стояла возле стены напротив окна. На мальчике была больничная пижама казенного вида, в руках он держал раскрытую книгу и во все глаза, не скрывая изумления, глядел на Полину. Огромные, искристые глаза небесной синевы казались чересчур большими для его худенького личика.

– Так ведь лучше, правда? – улыбнулась она.

Ей было немного неловко под этим удивленным взглядом. Он не ждал, что она придет, вообще никого не ждал, и она вдруг снова, как тогда, на дороге, почувствовала, как щемит

от жалости сердце.

Мальчик выглядел странно взрослым и вместе с тем казался трогательно маленьким на длинной узкой больничной кровати. Некоторое время они просто смотрели друг на друга: Полина почему-то смешалась, не знала, что сказать. А потом он тихо и застенчиво поздоровался и улыбнулся. Она подумала, что в жизни не встречала человека, которому бы настолько шла улыбка.

Именно в этот момент, рассказывала потом Полина мужу, она и приняла *то самое* решение, пусть даже и не осознала его до конца.

– Привет, Алик. – Она придвинула к кровати стул и села. Он тоже сел, спустив ноги на пол и нащупав тапочки. – Мне сказали, что тебя можно проведать. Ты не против, что я пришла?

Мальчик покачал головой.

– Ты же помнишь меня, правда? Мы встречались как-то возле магазина, а потом... Ну, я тоже была в машине, которая...

– Я знаю, – перебил он и снова улыбнулся. – Вы Полина.

– Да, – она помедлила. – Как ты себя чувствуешь? Ничего не болит?

– Все хорошо, – ответил он. – Врач сказал, меня скоро выпишут. Тут все ребята хотят скорее домой, а я не хочу.

Полина не нашлась с ответом, вместо этого схватила свой пакет и принялась доставать и выкладывать на тумбочку го-

стинцы. Мандарины, виноград, творожные сырки, шоколадки...

– Не знала, что ты любишь, взяла всего понемногу.

– Спасибо, я все люблю, – сказал Алик. – Но я столько не съем.

– Ничего, скушаешь потихоньку. С ребятами поделишься. – Она протянула руку и осторожно погладила мальчика по темным волосам. Потом снова полезла в пакет. – Я суп сварила. Очень вкусный, куриный. И оладьи испекла. Мы сегодня с дочкой на завтрак ели, и я тебе тоже принесла попробовать.

– Здорово! – его лицо просияло. – Мама часто пекла оладьи. Я давно не ел.

Полине стало противно от себя самой, стыдно за свою сладкую и гладкую жизнь. Богатенькая барынька, сидела там, в своей хорошенькой квартирке, лила кукольные слезки, обижалась, что ее посчитали пошлой домохозяйкой, и упивалась своим горем. Решила отвлечься, развеяться, а заодно и поиграть в добросердечную даму-благотворительницу. Притащила недоеденный суп и оладьи, мандарины выкатила... Про Алика в отрыве от собственных переживаний она и вовсе не думала.

«Наверное, я кажусь ему расфуфыренной глупой курицей».

Но угадать, о чем думал этот мальчик, было невозможно. Он смотрел пристально, внимательно, и, хотя осуждения в

его взгляде не было, ей стало неуютно под этим взглядом. Она не понимала, как вести себя с ним, о чем говорить. Все темы, которые обычно перебирают в беседах с детьми такого возраста, применительно к этому мальчику казались надуманными, искусственными, мелкими. Алик словно вернулся откуда-то, где детям бывать запрещено, и знал такое, о чем знать не нужно, по крайней мере, пока не отметишь восемнадцатый день рождения.

Они поговорили еще немного («Что за книгу ты читаешь?», «Чем увлекаешься?» «Подружился со здешними ребятами?»). Алик отвечал серьезно и рассудительно, тщательно подбирая слова, как будто боялся сболтнуть лишнее.

Потом мальчик, который выходил в коридор, вернулся вместе с полной молодой женщиной, и они принялись громко разговаривать, не обращая внимания на окружающих. Полина засобиралась домой.

Алик вышел в коридор, проводил свою гостью до лестницы. Она шла, размышляя, что сказать ему на прощанье, но в итоге все вышло спонтанно. Сама от себя не ожидая, Полина внезапно наклонилась к Алику и поцеловала его в прохладную щеку.

– До встречи. Скоро обязательно увидимся, – проговорила она и, пытаясь скрыть волнение, быстро отстранилась от мальчика, побежала вниз по ступенькам.

Алик смотрел ей вслед. На площадке между этажами Полина обернулась и помахала ему. Мальчик тоже поднял руку

и проговорил:

– Я буду вас очень ждать.

Глава третья

В новом учебном году первого сентября Полина провожала в школу не одного ребенка, а двоих. Алик с середины августа жил с ними.

Соня пошла в седьмой класс, а Алик – в пятый.

– Вон твоя учительница и ребята. Видишь, Лиля уже там! Я провожу Алика, хорошо? – сказала дочери Полина, когда они оказались на школьном дворе. – Он же новичок, нужно его поддержать.

Девочка ничего не ответила.

– А тебя я тоже буду видеть, я же совсем рядом. Пятые классы построятся напротив.

Полина чувствовала в своем голосе заискивающие, оправдывающиеся нотки и сердилась и на себя, и на Соню: если бы Алика не было, дочь вообще вряд ли захотела бы, чтобы мама провожала ее на линейку.

Собираясь усыновить мальчика, Полина и Женя были уверены, что дети отлично поладят.

Во-первых, Алик – ребенок спокойный, доброжелательный, умный и неиспорченный. Держался скромно, разговаривал вежливо, больше слушал, чем говорил.

А во-вторых, Соня была девочкой доброй, история рано осиротевшего мальчика, который остался один на всем белом свете, которого бил и едва не убил родной дядя, должна

была произвести на нее глубокое впечатление, вызвать горячее сочувствие. А от жалости недолго и до сестринской любви.

Так рассуждали они с Женей и отчасти оказались правы. Но только отчасти.

Решение о том, что Алика нужно усыновить, Полина приняла, навестив его в больницу. Оно было спонтанным, но вместе с тем казалось настолько верным, что она ни секунды не сомневалась в его правильности.

– Мне сердце подсказывает, – говорила она мужу тем же вечером. – Я точно знаю, что Алик должен остаться с нами. В детдоме его просто уничтожат! Он же такой... тихий, ранимый ребенок.

Женя ужинал: он пришел поздно, Полина с Соней уже поели, и теперь девочка болтала с Лилей по телефону в своей комнате. («Не наговорились за день», – сердито думала Полина).

Полина устроилась напротив мужа и рассказывала про то, как все прошло в больнице. Она пыталась объяснить, что испытывала, когда говорила с Аликом, смотрела на него, и сильно нервничала, боясь, что Женя не поймет.

– Полечка, в детдомах много ранимых и тихих детей. Это не аргумент, ты же прекрасно понимаешь.

– Нет, конечно, дело не только в этом, – она почувствовала, что начинает заводиться, как это всегда бывало, если ей не удавалось найти нужных слов. Полина сделала глубокий

вдох и постаралась взять себя в руки. – Здесь сразу несколько факторов. Соня единственный ребенок в семье, она может вырасти эгоисткой. И еще мне кажется, судьба нас нарочно свела с Аликом. Он же буквально свалился на нас, и мы за него теперь в ответе.

– Ответственности никакой нет, – возразил Женя. – Мы сделали для Алика все, что смогли – и даже больше, чем многие на нашем месте.

Муж отодвинул от себя тарелку и взял ее за руку.

– Я же знаю, что дело не в этом. – Он говорил ласково, рассудительно, и она знала, что Женя взвешивает каждое слово, опасаясь обидеть ее. – Ты так хотела второго ребенка, очень страдала, когда узнала, что это невозможно. Но мне казалось, мы пережили это. Перешагнули. Ты ни в чем не виновата и не должна наказывать себя.

Она порывисто встала и отвернулась от Жени, принялась бестолково перекладывать посуду в мойке. Ложки и чашки выскальзывали из рук и жалобно позвякивали. Женя тоже встал, подошел к ней, взял за плечи и развернул к себе.

– Ты так все перебеешь, – негромко проговорил он, целуя ее в висок. – Перестань.

Полина прижалась к мужу, вдыхая родной запах, и в тысячный раз подумала, как сильно она любит этого человека.

Невыносимо было думать о том, что случилось несколько лет назад. Как раз тогда они с Женей решили, что хватит ей уже трепать нервы в школе и бегать по частным уро-

кам. Наконец-то появилась возможность выдохнуть, успокоиться, заняться собой и родить второго ребенка. А может, и не одного: оба мечтали о большой семье с тремя, а то и четырьмя детьми.

Но, как говорится, хочешь насмешить бога, расскажи ему о своих планах. Первая наступившая беременность оказалась замершей. Мысль о том, что она больше недели носила в своем чреве мертвого ребенка, сводила с ума, и Полина долго приходила в себя.

Рискнуть и попробовать снова оказалось непросто, но через год она узнала, что опять беременна. Беременность протекала хорошо, и постепенно страх отступил. Женя нашел самого хорошего врача, и тот уверял, что никакого повода для беспокойства нет.

Катастрофа случилась, когда Полина была на седьмом месяце. На этот раз ее подвело не здоровье, не собственный организм, в котором произошел непонятный сбой. Помешали глупость и недалечность. Стоял ноябрь, был гололед, аварии на дорогах случались одна за другой, и синоптики советовали без острой необходимости не покидать домов.

У Полины не было необходимости, но было желание попасть на распродажу в гипермаркет детских вещей. Пара кварталов, пройти всего ничего, беззаботно уверяла она Женю, прогуляюсь потихоньку...

Прогулка закончилась тем, что какой-то водитель не сумел затормозить и едва не сшиб Полину на пешеходном пе-

реходе. Она шарахнулась в сторону, поскользнулась и со всего маху грохнулась на живот. Открылось кровотечение, спасти ребенка не удалось.

А самое страшное, что детей у нее больше быть не могло. Никогда.

Простить себя оказалось нелегко. У Полины начались панические атаки, стало подскакивать давление. Она просыпалась по ночам с мыслью, что вот-вот умрет. Это был отчаянный, животный ужас – страх неминуемой смерти, который, наверное, испытывает заяц, которого гонят охотники или хищники. Ноги и руки леденели, сердце колотилось так, что готово было вырваться из грудной клетки. Иногда приступы накатывали днем. Полина застывала посреди улицы, понимая, что не в состоянии ступить ни шагу.

Хоровод врачей – от неврологов до психиатров, прием препаратов, постоянные консультации, истерики, слезы... Да, Женя прав, они действительно прошли через это, оставили в прошлом. Последние два года или даже чуть больше все прекратилось. Тема была закрыта.

Острое, гнетущее чувство вины и собственной никчемности, бесконечные укоры самой себе, ночные кошмары, в которых она снова и снова теряла ребенка, неотвязные мысли о бесплодии и рухнувших надеждах, своих и Жениных – все то, что мешало жить, отступило на задний план.

Полина воспитывала Соню, занималась домом, вела хозяйство. Но точно знала, что любое мимолетное замечание,

чь-то случайное слово и заданный без всякого умысла вопрос («Один ребенок – полребенка, о втором не думали?») с легкостью может повернуть процесс заживления вспять, воскресить все страхи и страдания.

– Ты лучшая на свете мать и жена, тебе не нужно доказывать это ни себе, ни кому-либо еще. У нас прекрасная семья, я счастлив с тобой и Соней. Я хочу, чтобы ты понимала это, – проговорил Женя.

– Усыновлять ребенка, чтобы ощутить собственную состоятельность – это преступление и великая глупость, – ответила она. – Я знаю. Но поверь, я действительно думаю: мы можем подарить Алику семью и сами от этого стать счастливее.

Это был самый первый разговор в долгой череде обсуждений.

Алика выписали из больницы и отправили в детский дом, а они втроем уехали в отпуск, как и собирались. Все это время Полина с мужем так и этак, с разных сторон рассматривали этот вопрос. Она укреплялась в мысли об усыновлении, и Женя, которому мальчик был симпатичен, склонялся к тому, что им действительно стоит так поступить.

– Вы можете брать его на выходные! Зачем сразу усыновлять-то? Но если даже решите, сначала лучше оформите опеку, посмотрите, как уживетесь. Все-таки это уже взрослый ребенок! – говорила Света, сестра Полины, которая жила в Санкт-Петербурге.

Полина привыкла прислушиваться к Светлане – та была старше на восемь лет. Сестры всегда были дружными, а после смерти родителей сблизились еще больше. Света, которая всю жизнь работала юристом и специализировалась на сделках с недвижимостью, насмотрелась в своей практике всякого, была против усыновления и не скрывала этого. Они созванивались несколько раз в неделю, и суть разговоров была одна и та же.

– Брать на выходные, присматриваться – это не вариант, – возражала Полина. – Это ведь не собачонка, а человек. Он будет знать: его рассматривают, как под микроскопом, изучают на предмет пригодности. Светик, пойми, это унижительно! Не по-людски, непорядочно. Что это вообще такое: извини, ты нам не понравился, отправляйся обратно!

– А если они с Сонечкой не поладят? Это по-людски будет? – парировала сестра. – В первую очередь ты должна думать о родной дочери! По отношению к ней порядочность проявлять!

Вернувшись из отпуска, Полина с Женей навестили Алика. Сначала вдвоем, а потом – втроем, с Соней. После поговорили с дочерью, рассказали о своем желании взять мальчика в семью. В тот момент Соня с восторгом отнеслась к тому, что у нее появится младший брат.

– Ты должна понимать, дочка, что это ответственный шаг, – серьезно сказал Женя. – Передумать будет невозможно. Если мы решим усыновить Алика, он останется с нами

навсегда. Тебе придется делиться с ним, помогать ему, привыкать к тому, что вас станет двое у нас с мамой.

– Да все я понимаю, папуль! Мы подружмся, вот увидишь!

– Она слишком эмоциональная, увлекающаяся, – позже сказал Женя. – Вся в тебя. Соня не вполне понимает, как это будет. Сейчас Алик для нее – вроде Хоббита. Подобрали, пожалели, поселили у себя.

Женю беспокоило то, что они не смогли заставить дочь проникнуться серьезностью решения, важностью момента.

– Ты слишком многого ждешь от нее. Соня же еще ребенок. Какая у нее должна быть реакция? – Полина была настроена оптимистично. – Куда хуже было бы, если б она все восприняла в штыки и начала топтать ногами.

Оформление документов заняло больше месяца. Все это время Полина летала как на крыльях: ее переполняло сознание, что она приняла верное решение, направила жизнь в нужное русло, нашла новый смысл. Она была уверена, что все у них сложится хорошо, и собиралась приложить для этого все усилия.

Соня тоже с нетерпением и радостью ждала, когда Алик поселится в их доме. Женя был настроен более сдержанно, и Полина, не сомневаясь, что дети подружатся, беспокоилась, как найдут общий язык двое мужчин – большой и маленький.

Однако на деле вышло совсем наоборот. Женя и Алик со-

шлись на удивление быстро, а вот Сонин энтузиазм стал угасать.

– Добрый день, Дарина Дмитриевна! – Полина с приемным сыном подошли к классной руководительнице Алика.

Будущие одноклассники с любопытством поглядывали на новенького. Он, сосредоточенный и напряженный, делал вид, что не замечает изучающих взглядов. Полина сжала его руку и ободряюще улыбнулась.

Дарина Дмитриевна понравилась Полине сразу. Они познакомились в августе, когда пришли подавать документы в школу. Приветливая, доброжелательная, увлеченная, Дарина Дмитриевна преподавала русский и литературу. Дети обожали ее – это бросалось в глаза.

– Класс хороший, дружный. В начальной школе у них была сильная, опытная учительница, сумела сплотить детей. Ребята не вредные, хулиганов нет, – рассказывала Дарина Дмитриевна. У нее были густые волосы природного золотистого цвета, бархатисто-серые глаза и открытая улыбка. Настоящая русская красавица. От ухажеров, наверное, отбою нет. – Дети его хорошо примут, не беспокойтесь. Мы подружимся, верно, Алик?

Тот улыбнулся и немного неуверенно кивнул.

– У вас чудесный мальчик, – проговорила учительница.

Это, действительно, так и было.

Проводив детей, Полина вернулась домой. Собирались они в спешке: как рано ни вставай, времени все равно не

хватает, и в прихожей валялись брошенные Соней тапочки, заколка для волос, которой она пользовалась дома, а на вешалке почему-то висело кухонное полотенце.

Хоббит не вышел встречать ее. Полина вздохнула: в последнее время кот утратил свою общительность, все больше прятался по углам.

– Кис-кис, – позвала она. – Хоббит, малыш, ты где?

В былые времена кот прибегал на зов сразу. Полина кормила его – и он привык, что она зовет его, чтобы дать вкусненького. Но сейчас Хоббит не спешил, вошел в прихожую крадучись, приблизился к хозяйке словно бы нехотя. Она погладила его, взяла на руки и хотела пойти с ним в детскую, но стоило ей сделать шаг по направлению к той комнате, как Хоббит с неожиданной силой вывернулся из рук и убежал прочь.

Полина не удивилась – это было не впервой. Поведение кота настораживало, но сейчас думать об этом не хотелось.

Детская радовала взгляд, и она невольно улыбнулась. Прежде это была одна большая комната, но теперь, с появлением Алика, ее разделили на две части, установив фигурную гипсокартонную перегородку. Получилось очень здорово – дизайнер и рабочие-строители постарались на славу. Две особые территории – девчачья и мальчиковая: бело-сиреневая по Сониному вкусу и в лазоревых тонах – для Алика.

Сразу видно, что дети очень разные по характеру, думала Полина, глядя на обновленную детскую.

На Сониной половине – хаос, в котором могла разобраться только она сама. Дочка не была неряхой, но всегда раскладывала вещи по ведомой только ей логике. Полина пыталась расставлять все по-своему во время уборки, но коврики, мягкие игрушки, книги, фотографии возвращались на прежние места, и она оставила дочь в покое. В конце концов, каждый должен организовывать жизненное пространство по своему усмотрению, чтобы чувствовать себя комфортно.

На половине Алика – идеальный порядок. Книжки по линейке, подушки на диване – одна к одной, ровненько. Но было в этом что-то механическое, нарочитое и вроде бы немного издевательское. Самую чуточку. Словно мальчик хотел угодить вкусам Полины, отдать дань ее аккуратности, но сам не видел в этом смысла и посмеивался над ее нелепыми представлениями о мещанском уюте.

«С чего вдруг такие мысли!» – одернула себя Полина. Разве плохо, что ребенок старается?

Она присела на его диван. Обстановка в комнате, мебель, гаджеты, новая одежда, модная стрижка, обувь, вкусная еда – Полина и Женя сделали все, чтобы Алику было хорошо. Ему вроде и было все по нраву. Но в целом обстановка в доме изменилась не в лучшую сторону.

Нечто неуловимое витало в воздухе. Нечто, чему Полина не могла дать определения. Беспокойство? Напряжение? Не было ссор и конфликтов, явного непонимания или неприятия. Ничего точного, ничего конкретного, но при этом точно

знаешь: что-то идет не так.

Полина сняла очки – перед глазами все немедленно расплылось. Зрение у нее слабое: минус шесть с половиной, да к тому же астигматизм. «Надо бы опять лекарство прокапать, а то будто песку в глаза насыпали», – подумала она, помасировала веки и снова надела очки.

Конечно, все объяснимо: в их доме появился еще один человек со своими привычками, потребностями, устремлениями, желаниями. В этих стенах зазвучал другой голос и смех, стал слышаться звук новых шагов. Мальчик привнес свою энергетику, ауру, биополе – как угодно можно назвать. Нужно просто по-настоящему привыкнуть к Алику, только и всего.

Позвонил Женя, и они поговорили немного. Полина рассказала, как все прошло в школе. Муж спешил – в клинике всегда полно дел. Ей тоже нужно было идти: готовить обед, а потом встречать детей с учебы. Она попыталась вызвать у себя радостное волнение, предвкушение чуда – то, чем была полна душа еще недели три назад. Но ничего не вышло.

– Это просто адаптация! – строго сказала себя Полина. – Мы должны привыкнуть друг к другу. Прекрати хандрить!

На протяжении следующих недель она регулярно созванивалась с Дариной Дмитриевной, пару раз заезжала поговорить – узнать, как Алик вливается в новый коллектив, как складываются его отношения с учителями.

Молодая учительница была в восторге от способностей

мальчика, да и другие учителя наперебой ей вторили. Умный, прилежный и усидчивый, Алик схватывал все на лету, не отвлекался и не болтал на уроках, легко справлялся с самыми сложными заданиями, отвечал бойко и четко.

– А как он общается с одноклассниками? – спрашивала Полина.

То, что мальчик отлично успевает, она и сама видела. Но вот что ее беспокоило, так это одиночество приемного сына. В записной книжке его телефона не появилось ни одного нового номера, ему не звонили приятели, не звали погулять мальчишки-соседи.

Высаживая Алика из машины возле школы, Полина каждое утро наблюдала, как он идет через школьный двор один, без компании. К Соне, например, тут же подбегали другие девочки, или же она сама догоняла кого-то.

– Пока все по-прежнему, – каждый раз отвечала Дарина Дмитриевна. – Он держится особняком, сидит один. На переменах ни с кем не играет – читает книги. Но мне кажется, вам не стоит волноваться. У вас необычный мальчик, ему пришлось нелегко, но он выстоял. – Подробностей биографии Алика они в школе не рассказывали, учителя знали лишь то, что он рано осиротел и у него нет родственников. – Просто дайте ему время, все наладится.

Полина и сама это сознавала. Невозможно ждать от ребенка, на чью долю выпало столько страданий, чтобы он легко забыл прошлое, стал всем доверять, моментально обжа-

велся кучей друзей. Но успокоиться не могла. Ей казалось, Алик несчастлив, хотя он и не говорил об этом. Возможно, мальчик, слишком уязвимый и чувствительный, переживает и мучается, не желая никому говорить о своих переживаниях.

– Давайте подождем немного. Он освоится, ребята примут его, – успокаивала Полину молодая учительница.

Впрочем, раз от разу голос ее становился все более напряженным. И выглядела она усталой и издерганной. Дело было не в Алике, он как раз стал отрадой всех учителей. Но остальные дети, по ее словам, как с цепи сорвались.

– Не понимаю, что с ними такое! Совершенно неуправляемые, конфликтные, – жаловалась она.

– Может, после лета никак не соберутся? – предположила Полина. Она по опыту знала, как сложно усадить детей за парты после каникулярной вольницы.

– Наверное, – без особой уверенности ответила Дарина Дмитриевна. – Но все говорят, что раньше такого не было.

Неприятности сыпались одна за другой. Двое мальчишек подрались так, что дело дошло до полиции. Учительницу истории довели до нервного срыва. Одна девочка ткнула другой указкой в ухо – чуть инвалидом ту не сделала, а ведь дружили с детского садика.

Однажды Алик оставил в машине форму для физкультуры (неслыханное дело – он никогда ничего не забывал). Охранник, который прекрасно знал Полину, разрешил ей

подняться наверх и передать мальчику пакет с костюмом и кроссовками.

По расписанию у пятого «Б» была география. До начала урока оставалось еще несколько минут, и Полина, заглянув в класс, некоторое время смотрела, как дети с шумом носятся по кабинету.

Гвалт стоял неопиcуемый, но учительница, которая вешала карту у доски, не обращала на это внимания. Привыкла, наверное. Две девочки громко выясняли отношения: лица у обеих были злые и красные. Один мальчик толкнул другого, тот не удержался и полетел на пол, попутно опрокинув лежащие на углу одной из парт учебники, а заодно и стул.

Учительница, наконец, обернулась на грохот:

– А ну, прекратите! – закричала она, перекрывая детские вопли. – Хасанов, Токарев, выйдите вон из класса! В коридоре будете на головах ходить. Не хватало еще тут все переломать!

Все бегали, как наскипидаренные, и только ее приемный сын, Алик Суворов, сидел на своем обычном месте, за третьей партой возле окна. Один, как и всегда: рядом стоял пустой стул. Опустив голову, мальчик читал какую-то книгу.

Передав ему форму, Полина поспешно вышла на улицу. «Какое счастье, что я больше не работаю в школе!» – такова была первая мысль. «Что творится с этими детьми?» – подумалось следом.

Но если эти ребята – хулиганы, непоседы и разгильдяи,

а ее сын – в полном порядке, то почему так тяжело на сердце? Ведь если быть честной, сильнее всего Полину поразила не агрессивная взвинченность других детей, а холодная отрешенность ее собственного.

Глава четвертая

Шестого октября пропал Хоббит. Во вторник утром Полина отвезла детей на занятия. Собственно, могла бы и не возить: пешком до школы – минут десять-пятнадцать, но ей так было спокойнее. Возвращались они обычно сами.

Проводив их, Полина, как правило, заходила в продуктовый магазин, но на этой неделе записалась на массаж. У нее участились головные боли, и врач считал, что причина в шейном остеохондрозе.

В то утро все было точно так же, как обычно. Женя ушел немного раньше, они втроем – без четверти восемь. Времена, когда Хоббит постоянно путался под ногами, провожая своих хозяев, остались в прошлом: теперь кот сидел где-то в квартире, на одном из своих излюбленных мест – в кресле Жени за его рабочим столом, на кухонном диванчике или в спальне, на кровати. В детскую Хоббит заходить по-прежнему отказывался.

– Просто не понимаю, как это могло случиться, – говорила Полина Жене, после того, как вернулась домой и обнаружила, что кота нет.

Исчезновение Хоббита она заметила не сразу, закрутилась с домашними делами. Ближе к одиннадцати стала звать кота, но он так и не появился. Миска с самого утра была полна – это тоже было необычно. Полина забеспокоилась все-

ръем, стала искать Хоббита по всей квартире, но безуспешно.

– Может, забился в какой-то угол и не выходит. Ты не помнишь, утром видел кота или нет?

– Нет, никак не вспомню, – расстроено сказал Женя. – Мимо вас в коридор выскочить не мог?

– Мы бы заметили.

– Куда он подевался? Не в воздухе же растворился!

Оба они нервничали. Хоббита любили все, но Соня – та души в нем не чаяла. Страшно представить, что с ней будет, если кот не найдется. Обстановка в доме и без того была не самая спокойная.

– Есть одно предположение, но мне просто не верится...

– Что такое?

– Балконная дверь была открыта, – помедлив, сказала Полина.

– В кухне или в гостиной?

– В кухне. И дверь, и окно.

– Черт! – сквозь зубы выругался муж. – Думаешь, выпал?

Хоббит, которого не выпускали на улицу, любил в теплую погоду сидеть на балконе. Подбирался к открытому окну, смотрел на улицу, наблюдал за птицами.

– Шестой этаж, – деревянным голосом проговорила Полина.

– Только не это, – отозвался Женя. – Ты вниз не спускалась?

– Спускалась, – вздохнула она. – И около дома ходила,

и весь подъезд обошла. Спрашивала, никто его не видел. – Она помолчала и робко предположила: – Но если упал, так и лежал бы внизу, наверное? Там трава внизу, но крови не было. Хотя утром дождик моросил...

– Не факт, что остался бы лежать, – ответил Женя. – Может, он был жив и уполз куда-то. Бог его знает, когда он свалился. Может, еще ночью!

Вечер был сущим кошмаром. Соня рыдала, истерила, отказывалась есть. Они раз десять обежали всю округу, заглядывая под каждый куст, расклеили объявления о пропаже, пообещали хорошее вознаграждение.

– Это я виновата, – корила себя Полина. Ясно было, что кот выпал с балкона – других вариантов не существовало. – С вечера жарила рыбу, решила проветрить кухню. Видимо, позабыла закрыть балконную дверь.

– Неправда, – зло бросила дочь, когда услышала это.

Было почти десять. Они сидели за столом, пытаясь поужинать. Тарелка перед Соней так и осталась нетронутой.

– Ты всегда все проверяешь – газ, входную дверь, воду. И балкон закрыла, сама знаешь. Специально сейчас говоришь!

– Специально? Зачем?

– Будто не понимаешь! – Голос девочки дрожал. – Выгораживаешь этого! – Она мотнула головой в сторону Алика. – Это он открыл, нарочно! Ему Хоббит не нравился! Я уверена! Ненавижу его! Зачем вам понадобилось его брать?

Повисла тишина. Полина и Женя растерялись, не зная,

что сказать. Неприязнь дочери к Алику росла день ото дня, но впервые она заявила об этом так открыто и прямо.

Полина не могла сказать точно, после чего в отношении дочки к приемному брату произошел перелом. Поначалу все было нормально: она показывала ему их новую комнату, учила пользоваться планшетом, которого у него прежде не было, познакомила с Лилей. Но потом постепенно стала отдаляться от Алика. Не хотела оставаться с ним подолгу наедине. Если он был в детской, не хотела заходить туда, не обращалась к нему за столом.

Возможно, на ее отношение к Алику повлияло поведение Хоббита, терялась в догадках Полина.

Кот отреагировал на появление нового жильца более чем странно. Как только Алик ступил на порог, кот, который тогда еще встречал всех у входной двери, шарахнулся в сторону. Хоббит забился в угол, прижавшись к полу всем телом и неотрывно глядя на мальчика. Шерсть его поднялась дыбом, глаза горели, уши были плотно прижаты к голове. К тому же Хоббит принялся завывать – низко, басовито, на одной ноте. Никогда прежде Суворовы не слышали, чтобы их кот издавал такие жуткие звуки.

Они наперебой принялись успокаивать Хоббита, но когда Соня попыталась взять кота на руки, он впервые в жизни зашипел на нее и бросился прочь.

– Что это с ним? – растерялась девочка. – Он не заболел?

– Нет, малышка, – с притворной небрежностью ответил

Женя. – Просто кошки иногда реагируют так на незнакомых людей.

– Раньше он так себя не вел... – с сомнением протянула Соня, и родители принялись уверять ее, что скоро Хоббит привыкнет, и все наладится.

Но ничего не наладилось. Хоббит не привык. Он и на метр не подходил к Алику, а когда тот однажды протянул к нему руку, не стал шипеть, а снова буквально прилип животом к полу и принялся пятиться от мальчика.

– Это была не агрессия, – говорила Полина мужу. – Это был самый настоящий страх. Он дрожал, я сама видела!

Прежде Хоббит спал вместе с Соней в ее постели. Поначалу Полина с Женей были недовольны этим, пытались отучить кота от дурной привычки лезть к людям в кровать, даже купили ему кошачий домик. Но собственный роскошный дворец ничуть не прельщал Хоббита, и он упорно пробирался под бочок к Соне. Да и она обожала, когда он рядом. Так и повелось.

Однако с появлением в этой комнате Алика все стало иначе. Заманить кота спать на привычном месте больше не удалось. Соня расстраивалась, даже всплакнула несколько раз – бесполезно. Хоббит больше не переступал порога детской ни днем, ни ночью. Ни сам, ни на руках у кого-то из хозяев. Время от времени они пробовали, надеясь, что кот оставит свои капризы и снова станет проводить там большую часть времени, но напрасно.

Пришлось смириться и посмотреть правде в глаза: по какой-то непонятной причине кот не выносил Алика. Боялся его и избегал.

«Точно так же, как избегают и одноклассники, и соседские ребяташки», – против воли думала Полина.

– Алик ведь не обижает Хоббита. Не шумит, и голос у него негромкий, и манеры спокойные, – удивлялась она. Женя тоже пожимал плечами.

Надо отдать дочке должное: в первое время она пыталась найти способы подружить Алика с котом. Но после оставила попытки и, как Хоббит, стала все больше сторониться мальчика.

«Все у нас стало по-другому, – часто с грустью размышляла Полина. – Только совсем не так, как я надеялась!»

Заметив перемены в отношении Сони к Алику, Полина несколько раз пыталась вызвать дочь на откровенность, но девочка, прежде открытая и искренняя, замкнулась и не желала поговорить начистоту.

Женя полагал, что виной всему обычные трудности роста, подростковые проблемы, ревность к Алику, нарушение привычного ритма жизни. Однако Полина была уверена, что дело не только в этом.

А теперь вот еще и кот пропал.

– Прекрати немедленно! – Женя немного повысил голос. – Ты обижаешь брата! Извинись перед ним, сейчас же!

– И не подумаю! – уже в голос закричала Соня. – Никакой

он мне не брат! Это из-за него пропал Хоббит!

Девочка вскочила, с грохотом отодвинув стул, и выбежала из комнаты.

– Не сердись на нее, – после недолгого молчания сказал Женя. – Мы же с тобой мужчины, должны быть терпимы к женским слабостям, так ведь?

Он улыбнулся, потрепал мальчика по плечу, и тот улыбнулся в ответ. Полину покоробили слова мужа. В них звучала почти оскорбительная снисходительность. «Терпимы к слабостям»! О чем это он? Соня ведь раскричалась не на пустом месте. Может, и наговорила лишнего, но зачем выставить ее глупой невротичкой? Со стороны это выглядело так, словно Женя предавал собственную дочь.

– Соня очень расстроена. Она любит Хоббита и переживает, – резче, чем собиралась, проговорила Полина.

– Прости меня, – сказал Алик, глядя на нее своими огромными, невозможно-синими глазами. Он посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Женю. – У вас из-за меня столько неприятностей. Я сам не знаю почему. Мне жалко, что так вышло.

Полина стушевалась. Мальчик выглядел таким расстроенным, что она мигом забыла о сердитых мыслях, которые иногда появлялись у нее в отношении него, устыдилась, что могла винить его непонятно в чем.

– Что ты, милый! – Она крепко обняла его. – Мы очень рады, что ты с нами.

– Все будет хорошо, дружище! – сказал Женя.

– Я пойду, посмотрю, как она там. А вы пока чаю попейте.

Соня лежала на кровати, отвернувшись к стене. Полина присела возле нее.

– Не буду извиняться, – глухим от слез голосом произнесла девочка.

– Знаю, – ответила Полина. – Я не за этим пришла, дочка. И не сержусь на тебя.

Девочка лежала молча, но потом, словно решив что-то для себя, повернулась к матери и села в кровати. Покрасневшее, опухшее от слез лицо было несчастным и измученным. Растрепанные волосы обрамляли его оранжевым облаком, но сейчас цвет казался не таким ярким. Вместе с блеском глаз потух и огонь волос.

– С ним что-то не так, мам! – прошептала Соня, бросив взгляд на дверь.

Полина не ожидала этих слов и ничего не ответила, лишь прижала к себе дочь и поцеловала влажную от слез щеку. За дверью послышались шаги, она открылась, и вошел Женя.

После Полина хотела вернуться к этой теме, но не могла выбрать подходящего момента, а через некоторое время забыла о непонятных словах дочери.

На следующий день, выйдя из лифта, Полина обнаружила возле двери квартиры Лилю. Девочка поздоровалась и сказала, что давно ее ждет.

– А почему ты не в школе? – удивилась Полина. – Или вас

пораньше отпустили?

Она взглянула на часы: почти двенадцать. Скоро придет Алик: мальчик никогда не оставался в продленке, шел домой сразу после занятий.

– Я болею, только в четверг к врачу, – отмахнулась Лиля. – Мне надо вам кое-что сказать. Вернее, показать.

– Мне? – удивилась Полина. – Может, зайдешь к нам?

Она достала из сумочки ключи.

– Нет, – Лиля помотала головой и выпалила: – Я знаю, где Хоббит! Я видела!

В первое мгновение Полина обрадовалась: слава богу, нашелся! Но тут же по лицу девочки поняла, что случилось плохое.

– Где ты нашла его? Что с ним?

– Пойдемте, покажу. – Лиля повернулась и пошла вниз по лестнице. Полина двинулась за ней, оставив расспросы и убрав ключи обратно в сумку.

Они вышли из подъезда, миновали двор, перешли дорогу и направились вниз по улице.

– Куда мы идем?

Лиля вытянула руку в сторону одного из недавно построенных домов. В прошлом году на месте большого пустыря построили жилой комплекс, который только-только начал заселяться.

– Неужели Хоббит мог убежать так далеко? – пробормотала Полина. Лиля неопределенно покачала головой и ниче-

го не ответила.

Со временем территорию комплекса обнесут забором, но пока ограждения не было, и они свободно прошли внутрь. На парковке стояли всего три машины, детская площадка пустовала, двери почти всех подъездов были закрыты.

Они обогнули один из домов, двинулись вдоль стены. В доме был цокольный этаж, и внизу, под ногами, находились окна и приямки – углубления в земле.

«Интересно, они когда-нибудь приходили сюда с Соной?» – подумала Полина. Ей показалось, что бывать здесь небезопасно, но почему, додумать не успела, потому что Лилия остановилась возле одного из углублений. Девочка обернулась к Полине и проговорила:

– Он там, смотрите.

Полина с трудом проглотила внезапно возникший в горле тугой ком и медленно приблизилась к краю приямка.

Внизу, на цементном полу, лежал Хоббит.

Она не смогла сдержать крика, зажмурилась, но тут же снова открыла глаза и бросилась на колени перед неглубоким каменным мешком, в который угодил их любимец.

– Хоббит! Малыш! – звала Полина, понимая, что это бесполезно, что он больше не сможет отозваться на ее зов.

У живых котов не бывает такого жуткого, застывшего оскала.

Такой тусклой, свалявшейся шерсти, перепачканной в крови.

Они не смотрят ввысь мутным, остекленевшим взглядом, словно и после смерти стараясь разглядеть голубей и воробьев.

Полина заплакала, прижимая руки к лицу. Она бормотала что-то, сама не понимая смысла своих слов. Хоббит, который вырос у нее на глазах, превратившись из крошечного мяукающего комочка в роскошного кота, теперь валялся на дне холодной ямы, словно ненужная ветошь, грязная тряпка, выброшенная за ненадобностью.

Она поглядела на Лилу и увидела, что девочка тоже вытирает слезы.

– Мы ведь надеялись, что он вернется, – всхлипнула Полина. – Говорили Соне: раз крови внизу, под балконом, нет, то это хороший знак. Может, Хоббит сильно ушибся, испугался, уполз куда-то зализывать раны. Надо еще разок поискать хорошенько, подождать... – Она вздохнула и проговорила: – Спасибо, что показала мне, а не Соне. Не представляю, что с ней было бы.

Говоря по правде, Полина была удивлена мудростью девочки. Это был по-настоящему взрослый поступок, и ей стало совестно, что прежде она думала о Лиле только с неприязнью.

– Я с утра сразу к вам – хотела рассказать. Но вы долго не шли, и я ждала. Позвонить на сотовый не могла, номер-то ваш не знаю! Не у Сони же спрашивать. Она бы заподозрила. Три часа в подъезде просидела! Да еще простуженная.

Возникшее к Лиле уважение еще больше окрепло. Но вместе с тем...

Если кот упал с балкона, то, выжив, вряд ли уполз бы так далеко. А эта жуткая рана! У Хоббита явно проломлен череп. Но ведь при падении кошки вроде бы приземляются на четыре лапы. Выходит...

«Кто-то убил нашего кота!»

– Как ты узнала, что Хоббит здесь? – спросила Полина.

Лилин взгляд сделался угрюмым и вместе с тем вызывающим.

– Я все видела.

То, что девочка рассказала дальше, не укладывалось в голове.

Вчера утром Лиля (она жила в их доме, но в другом подъезде) случайно заметила, что Алик, который должен был находиться в школе, идет по двору.

Лиле стало любопытно, отчего это он («Весь из себя паинька и отличник!») не на уроках, и она решила это выяснить. В руках у мальчика был большой полиэтиленовый пакет. «Интересно, что там?» – подумала Лиля, представляя, как станет рассказывать Соне о том, что ее идеальный умница-братец прогуливает школу.

Девочка накинула куртку и выскочила из дома, не обращая внимания на сетования бабушки. Когда она выбежала из подъезда, Алик уже переходил дорогу, и ей пришлось нагонять его. Он не оглядывался, не подозревая о слежке, так

что Лиле почти не нужно было прятаться.

Так они и шли друг за другом, и Лиля все больше изумлялась, куда мог направиться Алик. Мальчик свернул к новостройке, и она чуть отстала, опасаясь, как бы он не заметил ее на открытой местности. Алик свернул за угол дома, и Лиля стала думать, что делать дальше.

На территории жилого комплекса она уже бывала. И не раз. («Зачем?» – спросила Полина, услышав об этом, но Лиля проигнорировала вопрос.) Если попробовать обогнуть здание, то велика вероятность столкнуться с Аликом нос к носу. Она решила немного подождать, спрятавшись в теремок на детской площадке. И правильно сделала, потому что буквально через минуту мальчик вернулся обратно.

Черный пакет был пустым. Алик свернул его, но в карман не убрал, намереваясь, видимо, выбросить в ближайшую урну.

– Я подождала, чтобы он ушел подальше, – и сюда! Поискала, поискала, и нашла, – закончила свой рассказ Лиля.

– То есть ты хочешь сказать...

– Ясное дело! Прикокнул кота, засунул в пакет, притащил сюда и выбросил!

Глава пятая

Вечером Полина с Женей никак не могли уснуть. Выключив свет, лежа в постели, они шепотом, словно заговорщики, обсуждали события этого бесконечного дня.

Муж приехал, как только она позвонила, и сделал все, что нужно. Вытащил Хоббита из ямы, отвез в ветеринарную клинику, договорился о кремации. Им отдали маленькую урну с прахом кота, и они решили, что в ближайшие выходные захоронят его в Новых Дубках.

Полина взяла с Лили слово, что та не будет рассказывать Соне о роли Алика в этой истории.

– Ты же знаешь, они и так плохо ладят, – объясняла Полина. – Мы поговорим с ним, и потом я позвоню тебе, расскажу.

Лиля пообещала молчать.

Пока Женя решал скорбные дела в ветклинике, Полина отправилась домой. Она понимала, что ей придется рассказать обо всем дочери, но пугала даже не перспектива трудного разговора с Соней, а встреча с Аликом. Она боялась взглянуть на него, выдать себя неосторожным словом.

Дети уже вернулись из школы: Алик делал уроки в детской, Соня сидела на кухне, уткнувшись в планшет. Едва взглянув на мать, она сразу все поняла, заплакала горько и безутешно. Полина опустилась возле дочери на колени, так

они вместе и плакали, обнимая друг друга.

– Хоббит умер? – раздался голос позади них.

Они вздрогнули и одновременно поглядели на дверь кухни. Алик стоял там, не двигаясь, глядя на них настороженно и испуганно.

– Да, – с трудом выговорила Полина и произнесла заготовленную для Сони ложь: – Дворник нашел его в подвале. Должно быть, Хоббит заполз туда, когда свалился с балкона.

Щеки Алика едва заметно порозовели – или ей только показалось. Он вздохнул и сказал:

– Знаю, я ему не нравился. Но мне жаль Хоббита. – Он помолчал чуточку и прибавил: – Сонечка, мне, правда, очень жаль твоего кота! Он не заслужил того, чтобы погибнуть.

Голос мальчика звучал так искренне, что Полина поверила: он и вправду переживает.

Соня кивнула. Полина видела, что слова Алика ее тронули.

– А где он сейчас, мама? Можно мне его увидеть?

– Нет, малышка. Папа повез его в ветеринарную клинику. Там установят факт смерти и кремируют. Нам отдадут урну с прахом.

Полина ждала, что дочь возмутится, расплачется – как же так, Хоббита сожгут! Однако Соня не успела и рта раскрыть, как неожиданно вмешался Алик:

– Когда у моего друга умер кот, его тоже кремировали. Папа Илюши сказал, что просто так хоронить животных нель-

зя. Может быть инфекция, вспышки разных болезней.

На такой обстоятельный комментарий возразить было нечего, и Соня спросила лишь:

– Как звали кота твоего друга? Почему он умер?

Алик отвечал, а Полина тем временем думала: ведь это первое, что сказал мальчик о своем прошлом! Обычно он предпочитал отмалчиваться. Как бы то ни было, сейчас приемный сын выручил ее, спас положение.

Вечером, когда Женя с Соней были в гостиной, Полина решила расспросить Алика обо всем, что случилось. Войдя в детскую, она невольно залюбовалась мирной картиной: мальчик сидел за письменным столом, склонившись над тетрадью. Услышав, что кто-то вошел, он поднял голову, улыбнулся и снова уткнулся в свои записи.

Полина подошла ближе. На столе, как обычно, идеальный порядок, все на своих местах. В подставке – остро заточенные карандаши, линейки и авторучки с надетыми на них колпачками. В каждый учебник аккуратно вложена закладка. В чистеньком пенале – ластик, которым Алик, похоже, никогда не пользовался, потому что ничего стирать и исправлять не требовалось: он не допускал ошибок, не делал помарок. Цифры и буквы безупречно ровными рядами маршировали по странице.

Учителя хвалили его и наперебой восторгались успехами нового ученика – и это несмотря на то, что в Старых Дубках он ходил в школу через пень-колоду.

Полина снова подумала о том, что в этой безупречности есть нечто неживое, ненастоящее, то, на фоне чего она сама выглядит глупой, неуклюжей. Нет, пришло вдруг в голову, она не права: Алик соблюдает порядок не потому, что хочет ей угодить. Такова его натура. Он не может иначе: правильный, точный и... холодный? Жестокий? Забывшись на минуту, Полина тут же вспомнила, зачем пришла.

– Не помешаю?

Мальчик отрицательно покачал головой, не прекращая писать.

– Алик, я звонила Дарине Дмитриевне. – Полина откашлялась. – Она сказала, ты не был вчера на первых двух уроках.

Мальчик отложил ручку и повернулся к ней.

– Зачем ты ей звонила? – невыразительным голосом спросил он.

– Дело в том...

Да что с ней? Это непонятное волнение было глупым и неуместным. Полина смущалась, как будто собиралась признаться в чем-то недостойном. «Хватит блеять, как овца пуштоговая!» – одернула она себя.

– Тебя видели идущим по двору, хотя в это время ты должен быть в школе. Ты и был – я сама отвезла тебя! Но, видимо, вернулся домой. Я хочу знать зачем, – как можно тверже выговорила Полина.

– Мне нужно было сделать кое-что, – тем же лишенным

интонаций голосом ответил Алик.

– Что это за «кое-что» такое? Ты можешь мне сказать?

Он вдруг резко повернул голову и глянул на нее.

– Хоббит. Сонин кот. Он умер, и я хотел унести его по-дальше, чтобы никто не нашел. Чтобы никто не расстроился.

Полина буквально потеряла дар речи.

– Утром я выходил на балкон и увидел, что Хоббит лежит внизу. Я решил вернуться и убрать его, пока еще кто-то не заметил. Ты должна была уйти на массаж, и я подумал, что вернусь и сделаю все незаметно. Я только боялся, что кто-нибудь другой найдет Хоббита раньше меня. Но мне повезло.

– Повезло, – машинально откликнулась она и прижала ладони ко лбу, пытаясь собраться с мыслями. – То есть ты увидел Хоббита, но никому не сказал. А потом отнес кота туда, в эту яму...

– Ты не веришь? – Теперь взгляд стал жалобным. – Я плохо поступил?

– Не знаю. – Полина все еще не могла сообразить, как вести себя, что говорить.

– Или ты думаешь, что я убил Хоббита?

– Что ты! Нет, конечно, я этого не говорила! – Полина совершенно стушеввалась и, кое-как свернув разговор, ушла.

Теперь, когда они с мужем битый час обсуждали случившееся, она была так же растеряна, как и в тот момент.

– Алик все объяснил тебе, разве нет? – Женя не мог по-

нять, что ее не устраивает, что тревожит.

– Как ты не понимаешь! Любой ребенок, увидев под балконом своего мертвого кота, испугался бы, закричал, позвал на помощь!

– Он не «любой ребенок». Ты же знаешь, Алик очень необычный. Он поступил по-своему, поступил так, как, по его мнению, было правильно. Мальчик хотел уберечь нас от стресса! Соню уберечь, хотя она и взъелась на него не пойми за что. Только подумай, какое мужество ему потребовалось, чтобы скрыть свои эмоции, отправиться в школу, потом вернуться, положить мертвое животное в пакет и унести подальше от дома!

Полина села в кровати, нервным движением подвернув под себя одеяло. Все было не так в этой истории! Она нутром чувствовала это, но не могла четко сформулировать.

– Хорошо, пускай! – Полина забылась, заговорила громче, потом спохватилась и снова перешла на шепот: – Но я искала Хоббита под балконом, там не было никаких следов – ни крови, ни примятой травы!

– Дождь моросил, – резонно возразил муж, – какие следы?

– А рана в черепе? Разве при падении с высоты может быть такая рана?

– Послушай, Поля, – муж приподнялся на локте. – Ты что, хочешь сказать, что Алик убил кота?

Он задал в точности такой же вопрос, как и Алик, и снова Полина почувствовала себя загнанной в угол.

Нет, поверить в то, что одиннадцатилетний ребенок – милый, умный, улыбчивый, рассудительный – может взять и разmozжить голову несчастному животному, а затем, не теряя хладнокровия, избавиться от трупа, Полина не могла. Ведь тогда ему пришлось бы рассчитать все, выждать, выбрать день, когда дома гарантированно никого не будет! Да и с какой целью вообще убивать Хоббита? Это же суший кошмар, такого быть не может!

Но и гладенькая сказочка, которую выдал Алик, тоже не вызывала доверия. Что-то не складывалось, не сходилось, и это не давало покоя.

– Он все рассказал, нет никаких оснований сомневаться в его словах. И я лично не сомневаюсь. Да, может, поступок Алика не совсем обычен, но он объясним. Не знаю, что тебя тревожит.

Женя говорил рассудительно и спокойно, но Полина чувствовала, что переливание из пустого в порожнее начинает ему надоедать. Это ей нечем голову занять, а у него полно забот и проблем на работе.

– Ты прав, – проговорила она, наклонилась к мужу и поцеловала его. – Давай закроем тему.

Но для нее самой точка не была поставлена: наутро предстояло поговорить с Лилей. Она позвонила подруге дочери, когда Соня и Алик были в школе.

– Как ты себя чувствуешь? Хуже не стало?

– Нет, все нормально, – с некоторым сожалением прого-

ворила девочка. – Скоро в школу выпишут, точно не продлят. Ну и что он сказал? Признался?

– Не совсем, – Полина вкратце рассказала, что произошло.

– И вы ему поверили? – с отвращением спросила Лиля.

Стоило немалых трудов упросить строптивую девочку ничего не рассказывать Соне и убедить, что Алик говорит правду.

Впрочем, Лиля, конечно, так и не поверила, однако согласилась молчать – и на том спасибо. Даже думать не хотелось, что было бы, узнай обо всем Соня.

Поведение дочери беспокоило Полину все сильнее.

В последние месяцы она сильно изменилась даже внешне: похудела, подурнела, бледное вытянувшееся личико резко контрастировало с ярко-рыжими волосами.

Совсем недавно Соня была смешливой, озорной девчушкой, немного наивной для своих тринадцати лет. Теперь же на смену той малышке пришла угрюмая, зажатая, вечно на взводе, молчаливая девица. Соня была не просто не похожа на себя, но словно даже незнакома с собою прежней.

В глазах этой новой Сони таилось что-то, но что – Полина разглядеть не могла, потому как дочь больше не смотрела ей в глаза открыто и прямо.

Аппетит у нее испортился, пропало желание килограммами поглощать мороженое и прочие вкусняшки, валяясь на кровати в своей комнате и «зависая» в Интернете, зато по-

явилась бессонница. Она говорила, что не может заснуть, разбудить ее поутру стоило огромных усилий. Перепуганная Полина сводила дочь к доктору, Соня прошла обследование, но врач не нашел серьезных проблем в состоянии девочки.

Оценки дочери резко ухудшились. Она никогда не была круглой отличницей, как, например, Алик, у которого не то, что двойки и тройки, четверки и те отсутствовали. Но в основном училась Соня хорошо: сама, без понуканий, садилась за уроки, учителя были ею довольны, и в школу девочка ходила с удовольствием.

Теперь же Полине то и дело звонила классная руководительница, Венера Ильдаровна, и принималась жаловаться. Соня была невнимательна на уроках, домашние задания выполняла через раз, грубила учителям. Близился конец первой четверти, и по большинству предметов у Сони выходили тройки.

– Она так скатилась – это же уму непостижимо! – возмущалась Венера Ильдаровна, полная женщина с высокой пышной прической, в неизменном строгом костюме в узкую полоску, похожая на учительницу из советских фильмов. – Мы с вами должны принимать меры!

Но Полина не понимала, какие меры может предпринять. Говорить с ней Соня отказывалась, держалась отчужденно, на вопросы отвечала уклончиво, чуть что – принималась кричать и плакать. Правда, со смертью кота истерики прекратились. Полина заметила, что Соня притихла, стала на-

стороженной и («Мне только кажется, наверное?») – напуганной.

– Влюбилась, – предположил Женя. – Вероятнее всего, безответно. Не ест, не спит, оценки испортились, похудела – все признаки налицо. Вспомни себя в ее возрасте! В тринадцать – пятнадцать лет все через это проходят.

Полине хотелось поверить мужу и успокоиться, но все-таки она не думала, что дело в подростковой влюбленности.

Влюбленные, даже если их чувство неразделенное, живут в собственном мире, и до всего остального человечества им попросту нет дела. Они мечтательны и задумчивы, но не шарахаются от каждого шороха, не выглядят измотанными, не ходят с понурым видом и погасшим взглядом, не огрызаются на окружающих.

Да и потом, если бы в жизнь Сони пришла первая любовь, она наверняка рассказала бы об этом матери!

Или все-таки не рассказала бы, рьяно оберегая свое чувство от посторонних глаз, и вела себя именно так, как ведет сейчас?

Глава шестая

Вызвать дочь на откровенный разговор Полине удалось только в конце октября.

Вчера был последний учебный день в четверти – начались осенние каникулы. У Алика в таблице красовались сплошные пятерки, Соне же похвастаться оказалось нечем, хотя она и умудрилась под конец четверти исправить несколько троек.

Была суббота, и Женя с Аликом отправились в бассейн. Они ходили туда дважды в неделю, поначалу Соня тоже ходила, но вот уже месяц, как их компания превратилась в чисто мужскую.

Муж проводил с приемным сыном все больше времени: несколько раз брал на работу в клинику, и все сотрудники в один голос восторгались умным, вежливым, красивым мальчиком. Они часто бывали в кинотеатре или на катке, как-то целый выходной провели в детском развлекательном центре, однажды сходили на хоккейный матч. У них появились свои словечки и шуточки: похоже, отец с сыном отлично понимали друг друга.

Сближение произошло настолько стремительно, в считанные недели, что это казалось нереальным. Полине бы радоваться, ведь поначалу Женя без восторга воспринял идею об усыновлении.

Только она не радовалась. Сближаясь с Аликом, муж

(снова лишь домыслы?) отдалялся от Сони и от нее самой. «Обычная бабская ревность!» – ругала себя Полина и старалась не думать об этом.

В общем, отправив Женю с Аликом плавать, она уговорила Соню сходить в торговый центр.

– Мы так давно не выбирались никуда вдвоем. Купим тебе что-нибудь новенькое, а потом пообедаем в кафе, – предложила Полина, и дочь согласилась.

Выбирая себе наряды, Соня стала почти прежней: как и на любую даму, шопинг действовал на нее благотворно. В итоге они купили джинсы, пару кофточек, туфли и кое-что из бижутерии. Потом сидели за столиком кафе на верхнем этаже центра, а пакеты с обновками громоздились рядом.

В торговом центре было полно народу. Женский голос радостно извещал о скидках в ювелирном бутике, популярная группа пела слащавую песню о неземной любви.

«Сейчас со всех сторон кричат об этом чувстве, – думала Полина, – тошнит уже». И не в том дело, что о святом лучше молчать, а в том, что слишком часто люди стали подменять понятия, употреблять слова, не задумываясь об их истинном значении – и слова эти начали выцветать, разжижаться, становясь безвкусными, как молоко, разбавленное водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.